

Р. П. Гришина

ВОЙНА ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ: БАЛКАНСКИЕ ВОЙНЫ 1912–1913 гг. В ИСТОРИИ БОЛГАРИИ

Провозглашение усилиями русской дипломатии границ Сан-Стефанской Болгарии после победного завершения Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. вызвало в Европе большой переполох своей дерзостью: по предварительной договоренности с Веней и Лондоном, мирные условия должны были приниматься с участием «европейского концерта». Собравшийся летом 1878 г. Берлинский конгресс не потерпел нарушения согласованного правила и расставил совершенно иные координаты на карте Европы – территория Сан-Стефанской Болгарии, просуществовавшей всего три месяца и то лишь на бумаге, оказалась значительно усеченной.

У самих болгар, согласно констатации болгарского ученого Ст. Влахова-Мицова, концепции собственных национальных интересов в то время не было, болгарское общество, считает он, еще не созрело для самостоятельной политической жизни¹. «Ни один болгарин, – утверждает И. Илчев, – в годы до Апрельского восстания не разработал целостной национальной доктрины, которая совпадала бы с границами, начертанными в Сан-Стефано»². Лишь благодаря русским дипломатам расплывчатая возрожденческая идея приобрела образ Сан-Стефанской Болгарии, которому потребовалось затем не менее двух десятилетий, прежде чем он облекся в национальную болгарскую форму, и, приобретя тогда конкретное политическое звучание, поступил, так сказать, на болгарскую государственную службу уже в качестве *национального идеала*.

Действительно, скорее можно говорить о том, что возрожденческий идеал, на который так часто ссылаются многие болгарские историки, как на предысторию Сан-Стефано, существовал в народе лишь в самых общих чертах. Вернее, витал в его мечтаниях о свободных Мизии, Фракии и Македонии. Но никак более точно не конкретизировался. Думаю, что прав Петко Петков, называющий возрожденческий идеал *общественным*, но еще не национальным³.

Объединение родственного населения в рамках одной страны является объективной задачей государственного строительства (оставим пока за скобками вопрос, насколько это родственное население самоопределилось этнически, т. е. сознательно считало себя болгарами или сербами, греками, македонцами). Но такое объединение предполагало и присоединение к самостоятельному государству территорий, на которых проживали «внешние части» родственного племени, т. е. задача объединения подразумевала внешнеполитическую экспансию. Однако в течение ряда десятилетий после Освобождения международные условия существования Княжества Болгария исключали саму постановку такого вопроса, поскольку наибольшие ограничения, связанные с вассальным статусом Княжества, распространялись именно на область его внешнеполитических, международных связей. До определенного времени, как свидетельствуют документы ряда болгарских политических партий, внешняя политика княжеских правительств вообще не имела четко выраженного обозначения.

К тому же примерно до конца XIX в. естественным для строителей новой Болгарии было преобладающее внимание к проблемам внутривластного созидания основ страны. Сам строй политической жизни заключался тогда в преимущественном удовлетворении партиями и их лидерами собственных интересов, в извлечении максимальной пользы от близости к власти. В годы довольно быстрого экономического развития Княжества (конец 1880-х – начало 1890-х) усилился процесс расколов, расщеплений партий; их становилось все больше, а, следовательно, увеличивалось число претендентов на близость к власти с ее меркантильными возможностями. Вопрос о власти, замечает Ст. Влахов-Мицов, стал вымещать проблему национального суверенитета⁴. В свою очередь подчеркну, что хождение в партийных и общественных кругах различных внешне- и внутривластных концепций, до конца не разработанных и содержавших разнонаправленные идеи, в том числе с точки зрения международной ориентации, порождали хаотическое скопление мнений, представлений, проектов, их своеобразно пульсирующую мозаичность.

Поэтому трудно было ожидать, чтобы кто-то из действующих государственных и партийных лидеров серьезно озаботился составлением программы политической модернизации страны и, особенно, целенаправленного воспитания государственнического сознания у народонаселения. Или постановкой адекватных социальных целей⁵ как интегральной задачи.

Эту лакуну некоторые из них осознали, и то лишь частично, только после двух военных катастроф. В начале 1920-х гг. Андрей Ляпчев, один из наиболее опытных болгарских политиков, вынужден был признать: «Из-за войн и по другим причинам мы упустили дело создания нашей и переводной литературы для обоснования принципиальных позиций по вопросам общественной солидарности, национализма, экономического развития общества и, в частности, нашей страны с точки зрения личной инициативы, собственности и кооперативного дела. Здесь у нас большая пустота»⁶.

Однако, учитывая коренное изменение геополитической ситуации в Европе и мире и стремительное развитие в ряде государств экономического, научно-технического и культурного потенциала, можно сказать, что на развилке XIX–XX вв. заявил о себе своеобразный «верстовой столб-маяк», который как бы сигнализировал – настало время, опираясь на достигнутое в уходящем столетии, определить на будущее стратегически важные *государственные цели*. В том числе такие: что выбрать, на чем следует сконцентрироваться, чему отдать предпочтение – сфере внешней политики *или* внутренней. Или проще: войну или модернизацию? Этот вызов-предупреждение направлялся практически всем странам мира, способным его принять.

Острой была борьба вокруг этой дилеммы в России. Потребность в модернизации и требование внешнеполитической передышки осознавались в общественных кругах вполне серьезно. Но в затянувшейся борьбе консерваторов и либералов уходило скоротечное время. Относительно выработки курса внешней политики российская исследовательница И. С. Рыбаченок пишет так: «Полнейшее разномыслие среди лиц, причастных к выработке ответственных решений, с одной стороны, и несоответствие ключевой фигуры – царя как главы государства тем задачам, которые стояли перед империей как субъектом международных отношений, с другой стороны, порождали постоянные шатания, разброс средств и т. д.»⁷

Министр финансов С. Ю. Витте при очередном обострении Восточного кризиса писал в 1896 г. императору: «Большая общеевропейская война ныне была бы великим горем народным и историческим несчастьем, несчастьем, которое может омрачить счастливое царствование Вашего императорского величества»⁸. Он считал, что

нужно поддерживать статус кво и выигрывать время, необходимое для внутреннего строительства. В 1903 г. новая попытка триумvirата царских министров (С. Ю. Витте, В. М. Ламздорфа, А. Н. Куропаткина) призвать к благоразумию и не увлекаться дальневосточными военными планами, могущими привести к опасному столкновению с Японией, закончилась отставкой Витте и отстранением его от рычагов реальной власти⁹. Императору Николаю II гораздо ближе был «новый курс» дальневосточной политики, сторонниками которого выступали воинственные и консервативные круги во главе с министром внутренних дел В. К. Плеве¹⁰. Война с Японией, начавшаяся раньше, чем Россия к ней подготовилась должным образом¹¹, закончилась, как известно, поражением, уничтожением порт-артурской эскадры. Что, впрочем, не поколебало устойчивость великодержавных амбиций Николая¹². В 1906–1907 гг. Россия стала вести осторожную политику балансирования и заключения соглашений с великими державами, и это обеспечивало в то время ее потребность в модернизации¹³. Но последовавший затем переход к большей активности, в частности, на Ближнем Востоке, едва не привел ее к войне с Австро-Венгрией. В 1908 г. министр внутренних дел П. А. Столыпин на особом совещании вынужден был заявить: никакая политика, кроме строго оборонительной, в ближневосточном регионе невозможна. Совет обороны подтвердил тогда обоснованность такого заявления¹⁴. Однако последовавшее в 1912–1913 гг. умеренное вторжение России в собственно балканские дела, новый виток проявления симпатий к братьям-славянам, а затем вступление ее в Первую мировую войну по тем же «сентиментальным соображениям» обозначили движение Великой российской империи к полному краху в 1917 г.

Не менее серьезно встал вопрос «война или модернизация» перед молодыми государствами Балканского полуострова. Для них наиболее важными оказались – *в качестве первоочередных, приоритетных – внешнеполитические цели* во имя осуществления национальной идеи, под которой понималось, прежде всего, целостное объединение народа. А путем ее реализации стали Балканские войны 1912–1913 гг. В дилемме «война или модернизация» – выбор был сделан в пользу первого компонента, впрочем, второй в виде составления какой-либо программы деятельности даже не обсуждался, во всяком случае, в Болгарии.

Однако представляется, что такой выбор был ошибочным: при более точном учете тогдашней реальности, на наш взгляд, следовало бы сосредоточить усилия правящих болгарских кругов в первую очередь на *внутренних проблемах* страны, а не на внешних. Этот тезис идет вразрез и с устоявшимся в историографии «революционным» отношением к вопросу, и с наличной практикой XIX–XX вв. Но вряд ли кто ныне будет спорить, что культивируемый десятилетиями великодержавный «национальный идеал» уводил южные балканские народы в сторону от их важнейших *действительно национальных задач* – от экономического и социально-культурного модернизационного строительства своих государств. Что же до полного, целостного объединения болгарского или сербского народов, из-за чего случились жесточайшие войны, открывшие собой XX век, то первого так и не произошло, а из второго, когда в 1990-е гг. народы Югославии вновь разбрелись по своим этнонациональным квартирам, получилось то, чего никто в начале XX в. не мог даже предположить. Как здесь не вспомнить отечественного ученого Г. Д. Гачева и его замечание о «самоцентрированности» населения балканских уголков¹⁵, позволяющее предположить, что такая самоцентрированность, мистически, независимо от мечтаний этих народов, становилась *главным препятствием к целостному объединению* каждого из них, к превращению родных укромных уголков во что-то им *несвойственное* – крупное, целое.

* * *

Вплоть до рубежа веков и в самом начале XX в. адекватно реагировать на вызовы времени болгарская политическая элита, даже с точки зрения внешнеполитических устремлений государства, не могла или не умела – во всяком случае, не заботилась в достаточной мере ни о его стратегических или тактических планах в этом направлении. И даже о планомерной идеологической работе среди населения Княжества.

Македонская политика Болгарии, по мнению Светослава Елдырова, состояла из двух разграниченных тенденций, черпавших импульсы из двух если не противоположных, то различных источников. Одним было министерство иностранных дел, другим – военное министерство. Первое действовало средствами дипломатии и религиозно-просветительского эволюционизма, второе – методами вооруженной борьбы¹⁶.

С другой стороны, болгарское общество не было едино, а идея нации оставалась весьма далекой от разумения болгарского крестьянского люда*. И, следовательно, в случае войны политической элите необходимо было приложить дополнительные усилия на его раскачку и рассчитывать на его поддержку уже не в борьбе за «абстрактную национальную идею», а исходя из некоего конкретного ситуационного повода (даже и специально созданного) в виде непосредственной военной угрозы.

Думается, что болгарский вариант «внешнеполитического поведения» в конце XIX и самом начале XX в. объясняется не только отсутствием свободы рук в этой сфере у властных структур из-за тогда еще сохранявшейся вассальной зависимости Княжества от Турции, но и рядом других обстоятельств. В их числе – бурный процесс первоначального накопления в стране, стремление людей, прежде всего, к получению дохода и обустройству собственной жизни. Время борьбы против турок за собственную независимость, создание сети тайных комитетов, конспиративная деятельность, вспышки восстаний – все это ушло в прошлое. Отношение к *революции* после 1878 г. изменилось, фиксирует Ангел Димитров¹⁷, хотя следы прежнего эйфорического восторга сохранялись (курсив мой. – *Р. Г.*). К миражному образу Сан-Стефано пресса обращалась часто, но власти к конкретным действиям он до поры-до времени не толкал. Лишь постепенно лозунг автономии Македонии и Одринской Фракии, официально провозглашенный ВМОРО как шаг к осуществлению Сан-Стефано, все более начинал *идейно* связывать политический класс Болгарии, князя Фердинанда и македонских революционеров-террористов.

С 1907 г. лозунги автономии Македонии и Одринской Фракии стали в Болгарии появляться все чаще. Софийское правительство, вынужденное учитывать позиции великих держав и соседних балканских стран, все еще не открывало фронта прямой борьбы за присоединение Македонии к Болгарии, хотя считало ее население, безусловно, болгарским. Тактически идея состояла в том, чтобы продолжать добиваться на основе 23-го параграфа Берлинского трактата добровольного (б. а. – *Р. Г.*) предоставления Османской империей прав автономии этой провинции. Что София рассчитывала затем использовать в качестве промежуточного этапа на пути присоединения Македонии к Болгарии.

Князь Фердинанд, давно настроенный на укрепление государственной власти и власти личной, начал проявлять особую заботу об армии, ее обучении и вооружении и о том, чтобы поставить ее под личный контроль, сделать своей опорой. В 1903 г. был принят специальный закон об устройстве вооруженных сил, состав армии был увеличен с 25 до 60 тыс. человек, на ее нужды стало отводиться до 1/3 бюджета страны. Ежегодно организовывались военные маневры.

* Примечательно высказывание Э. Хобсбаума: «Какие бы социальные группы не становились первыми проводниками «национальной идеи», народные массы – рабочие, крестьяне, прислуга – испытывают ее влияние в самую последнюю очередь» (*Хобсбаум, Э. Нации и национализм после 1870 г. СПб. 1998, с. 23*).

Офицеры не только стали проходить профессиональную выучку, но и целенаправленно воспитываться в духе патриотизма и личной преданности монарху. Им устанавливались большие зарплаты, обеспечивалось быстрое продвижение по службе. Именно они должны были стать и становились самыми рьяными носителями национальной идеи. Из них формировался специфический элитарный слой, близкий к власти, обслуживающий ее.

Проповедь «великих» идей постепенно распространялась на все общество: стремление добиться идентификации в массовом сознании понятий «народ» и «нация», привлекательности родного государства-нации – набор подобных и других идеологических и политических средств был призван сформировать внутренний идейный стержень для населения, объединить общество и власть, осуществить национальную интеграцию и обеспечить власти массовую поддержку. А в конечном счете – обеспечить внутреннюю политическую стабильность, без чего невозможно ни активно бороться за осуществление «национального идеала», ни проводить реформы, если они все еще стояли в повестке дня и не были вытеснены первым компонентом на обочину жизни.

В дело реализации националистической программы включались государственная бюрократия, частично «народная интеллигенция» (учительство), и особенно офицерский корпус. Нельзя не отметить при этом, что все креативеры (разработчики) и носители националистической идеологии оказывались сосредоточенными опять-таки в городском секторе и относились к слоям, доходы которых зависели, главным образом, от государства¹⁸. Их практически нет в крестьянской среде. «Модерный болгарский национализм», считает болгарский ученый А. Пантев, был городским по принадлежности, несмотря на сильное преобладание сельского населения в стране¹⁹. И здесь мы подходим к очень важному моменту: «Село встречало националистические программы враждебно», – констатируют западные социологи²⁰. Болгарский историк Д. Мишкова, говоря о поре строительства Княжества Болгария, отмечает пассивность народа и «невозможность вызвать его энтузиазм»²¹.

Другой болгарский историк И. Баева пишет не просто о «прохладном отношении» крестьянства к национализму, но – еще более определенно – о его сопротивлении главным составляющим политики модернизации и о стремлении защитить *свои особые* интересы²². К этому можно добавить заключение М. Марковой о том, что само понятие «нация» для болгарского крестьянина, привыкшего идентифицировать себя с родным селом, не означало «почти ничего»²³. В свою очередь Х. Зундхаусен, наблюдающий за болгарским крестьянством из Германии, соглашается, что «абстрактное понятие «нация» не означало для сельчан ничего», ибо капиталистическую систему они воспринимали как посягательство на традиционную солидарность сельской общности²⁴.

В связи с необходимостью основательной реорганизации армии был предпринят ряд мер. Едва ли не главным ее направлением стала «перенастройка» умов и чувств значительной части военнотружущих и военнообязанных, поскольку в предшествовавшие годы внутренние обязанности армии являлись преобладающими; до 1900 г. эта тенденция была ведущей, утверждает болгарский историк В. Янчев²⁵. «В годы после Освобождения, – пишет он, – вопросы о сущности армии и ее предназначении рассматривались в самом общем плане и очень противоречиво. Вопреки практической военной политике, направленной на создание сильной, дееспособной и современно вооруженной армии, способной защитить целостность Отечества и завершить дело национального объединения, на первое место в теоретическом плане были поставлены внутренние, охранительные и репрессивные функции армии»²⁶.

Чтобы переломить сложившееся представление о внутривнутриполитической функции армии как основной, в Болгарии стали издаваться инструкции с формулировкой новых задач. В 1891 г. был принят закон об устройстве вооруженных сил Княжества Болгария, устанавливавший дивизионную структуру армии²⁷, за ним последовали «уточняющие» законы 1895 и 1897 гг. В них намечалась перспектива на 15 лет, к исходу которых армия

в случае военного положения должна была быть 500-тысячной (действующая, резервная, ополчение). В 1901 г. в болгарском войске имелось 300 тысяч обученных солдат, но оружия хватало только для 200 тысяч²⁸.

Любопытны детали строительства армии: от обязательной двухгодичной армейской службы откупиться могли только болгары-мусульмане; благодаря высокому естественному приросту населения проблемы с обеспечением количественного роста военнообученных не возникало, хотя до 1/3 молодых людей освобождались от прохождения службы «по негодности».

Еще интереснее отмеченное Р. Даскаловым явление: «Некоторые правительства, — пишет он, — сокращали (уплотняли) военные штаты и на обязательность военной службы смотрели сквозь пальцы, чтобы *не давать простора милитаризму*»²⁹ (выделено мною. — Р. Г.). Если это так, то тем труднее говорить о *всеобщей нацеленности* политической элиты на милитаризм и военные устремления. И, вероятно, прав С. Елдыров, разделяющий направления внешней политики по тому, как ее формулировали круги МИДа, с одной стороны, и Военного министерства, с другой стороны. Из этого можно заключить, кроме того, что политика сменявших друг друга правительств варьировалась не только в отношении поддержки деятельности ВМОРО (или степени такой поддержки), но и в отношении курса на милитаризацию.

Наиболее щедрой с точки зрения предоставления финансовых средств военным была Народно-либеральная партия. В 1903 г. болгарские вооруженные силы получили, наконец, отсутствовавшую до той поры военную доктрину; ее главным содержанием была нацеленность на национальное объединение³⁰. Так пишет болгарский военный историк. Но в литературе не приходилось встретить точной формулировки соответствующего пункта военной доктрины. По-видимому, это не случайно: в частной беседе весной 2008 г., на мой вопрос, была ли опубликована когда-либо эта доктрина, видный болгарский историк вообще выразил сомнение в существовании такого документа.

По мнению Р. Даскалова, в 1903 г. был совершен решительный поворот государства в сторону модификации и усовершенствования армии, ее перевооружения. Период до начала Балканских войн, считает он, стал «триумфом массовой армии». Были созданы 12 новых полков, 3 новых артиллерийских полка и столько же саперных, появились даже зачатки военно-воздушных сил. Вооруженные силы были разделены на три армии, изготовлены оперативные планы войны с Турцией — «сердцевины болгарской военной доктрины»³¹ (опять неуловимая доктрина!).

Чтобы достроить и развернуть в новом направлении болгарскую военную машину, сколько же требовалось времени и усилий? Но, главным образом, финансов. Денег на армию не стали жалеть, — заключая иностранные займы, раздувая собственный бюджет. Если исходить из имеющихся в исторической литературе констатаций, то огромные финансовые вложения в армию и в ее вооружение, составлявшие до 25–30% расходной части бюджета, позволили болгарскому войску уже к 1907 г. стать «одним из лучших в Европе». В 1912 г. оно имело почти в 15 раз больше вооружения (поставлявшегося из Франции, Германии, Австро-Венгрии, России, Италии), чем во время Сербско-болгарской войны 1885 г., и не испытывало недостатка оружия во время самой войны³².

Накануне Балканских войн Болгария считалась самой милитаризованной страной на полуострове. На один миллион ее населения приходилось 9 полков, в то время как в Сербии — 8 полков, Румынии — 5,2, Турции — 3,4³³. В регионе Болгарию называли «Пруссией на Балканах». Она имела превосходство по сравнению с соседями в кавалерии, артиллерии, инженерных войсках³⁴.

Армейские проблемы Болгарии заключались в другом — в деле формирования командного состава, поскольку в прежние годы должного внимания подготовке высшего

офицерства не уделялось. А та, что проводилась, носила, скорее, экстенсивный характер – офицеры набирались военных знаний отовсюду понемногу. Помимо обучения в Военном училище в Софии (открыто в 1878 г.), дававшем среднее образование, офицеры направлялись в различные заграничные военные академии³⁵, главным образом, российские (75% офицеров, подготовленных за границей, получили военное образование в России)³⁶ и итальянские, в меньшей мере французские. И приезжали оттуда почитателями совершенно разных стратегий. Генерал Михаил Савов, например, предпочитал русскую доктрину с ее наступательностью, генерал Иван Фичев – итальянскую, характеризовавшуюся известной осторожностью. Может быть, поэтому он осенью 1912 г., когда в Болгарии поднялась волна милитаристской кампании, говорил, что страна еще не готова воевать, и чтобы всесторонне подготовить армию, войну следует отложить до весны³⁷. Но при начале боевых действий оба генерала вошли в состав оперативного военного руководства.

В 1911 г. в болгарской армии служил 21 генерал, однако мало кто из них, как пишут болгарские авторы, мог решиться повести войско на войну. Достаточного опыта у них не было – настоящих, больших учений в мирное время не проводилось. В сущности, ни один высший офицер, по словам Г. Маркова, не видел больше трех дивизий, собранных в одном месте³⁸. Фердинанд в качестве главнокомандующего, отмечают историки, полководческими талантами не обладал. Не имея соответствующего опыта, он и в мирное время избегал руководить ежегодными маневрами и их последующим разбором. Отсюда и отсутствие должного авторитета среди военных.

В результате в Болгарии при приближении войны не оказалось заранее определенного человека, в чьих руках сосредоточилось бы командование действующей армией. Попытка назначить на этот пост отставного генерала М. Савова, который говорил о себе: «Я не стратег», привела к возражениям со стороны военного министра Н. Никифорова и начальника штаба армии И. Фичева и к их требованиям, чтобы М. Савов не вмешивался в дела высшего командования. Путем компромисса главное командование удалось составить из трех лиц, причем каждое из них – «с неопределенной ответственностью»: генерал Савов оказался на положении всего лишь военного советника, хотя и назывался помощником главнокомандующего; генерал Фичев (начальник генштаба) издавал директивы по действующей армии от имени главнокомандующего и отвечал только за их техническое выполнение. А те, кто непосредственно командовал армиями, в свою очередь, не принимали Фичева за начальника³⁹. Главным командующим формально был монарх. Помимо отсутствия в армии даже во время войны четкой субординации, нередких случаев несоблюдения принципа единоначалия, Фердинанд не мог добиться дисциплины и в государственно-управленческой сфере, особенно в условиях 2-й Балканской войны. В книге, посвященной крушению Болгарии в 1913 г., Г. Марков пишет: «Очень много рук держало кормило управления, чтобы можно было удержать избранный внешнеполитический курс... Царь важничал на капитанском мостике и больше смотрел, что происходит на палубе, чем в подзорную трубу. Правительство не было едино. Главное командование то подталкивало его, то просто мешало, руководствуясь своим пониманием соотношения сил, а военные моряки иногда неохотно выполняли приказы»⁴⁰.

Может быть, именно из-за внутренней несобранности еще недостаточно окрепшее со времени Освобождения государства, его политической неконсолидированности, мозаичности интересов политических сил, их ориентации на разные великие державы и других проявлений слабости «головки страны» – на войну решили мобилизовать так много народа: в Болгарии по европейским меркам была проведена сверхмобилизация. Победить предстояло массовостью живой силы, физическим напором.

Насколько же народ был готов к этому? Как проявил себя накануне войны и в ходе ее основной солдатский контингент, состоявший по преимуществу из крестьян? Чтобы

попытаться ответить на этот важный для нашей темы вопрос, придется коснуться очень деликатной и даже щепетильной проблемы – о действительной глубине национальных чувств широких болгарских масс, поколения которых, как пишется во всех болгарских учебниках, мечтали об объединении и с надеждой ждали «часа икс»⁴¹. Действительно, в историографии с давних пор утвердилось мнение о «взрыве национальных чувств», о всеобщей народной поддержке грядущей войны за освобождение поработанных македонских братьев. Эта версия отстаивалась и в болгарской, и в российской литературе вместе с оправданием усилий Болгарии по созданию Балканского союза в 1912 г. и вытекавшей из этого шага неотвратимости 1-й, а частично и 2-й Балканской войны. Представляется, что эта версия верна лишь отчасти.

Мы уже отмечали, что крестьянство в аграрных государствах, где оно является преобладающим большинством, становится главным препятствием на пути модернизации и по-своему сопротивляется ей. В Болгарии сельские, поднявшись на рубеже XIX–XX вв. на массовые выступления против экономического грабежа со стороны ростовщиков и т. п., спустя несколько лет сорганизовались в сословную организацию, преобразованную затем в партию – Болгарский земледельческий народный союз (БЗНС). Один из его лидеров А. Стамболийский пошел дальше – в сторону политизации Союза, инициировав оппозицию имевшимся политическим институтам. Начав с экстравагантного публичного протеста в Народном собрании в июне 1908 г. против существовавшей процедуры, которая состояла в том, что при открытии сессии парламента князь читает тронную речь, сидя и в головном уборе, в то время как депутаты слушают его стоя⁴², Стамболийский вскоре (май 1909 г.) позволил себе открыто заявить, что недавнее провозглашение Фердинандом независимости Болгарии в сговоре с великодержавной политикой Австро-Венгрии является переворотом и угрожает интересам болгарского народа. В первую очередь международной изоляцией и крупными экономическими потерями.

Выступление набравшего популярность «земледельческого» деятеля было направлено не просто против Фердинанда, но против монархии как института. Среди аргументов Стамболийского преобладали те, что наиболее соответствовали его общинной крестьянской ментальности. «Самозванные устроители переворота, – писал он в газете «Земледельско знаме», – нарушили Конституцию и попытались вплести народовластие в сети некоего царевластия...»⁴³ Это «царевластие» вызывало полное неприятие Стамболийского, поскольку, по его мнению, торжество демократии несовместимо с торжеством монархии, а триумф демократии предполагает и требует исчезновения и последних остатков монархизма. Позже, находясь в тюрьме за антивоенную пропаганду, Стамболийский напишет, что высшая цель БЗНС – возвращение людей к отнятому у них демократизму, дающему равномерное распределение благ и обеспечивающему самоуправление через народовластие⁴⁴.

В отношении возможной войны исходная позиция БЗНС, заявленная в его органе «Земледельско знаме», была резко отрицательной. С таким тезисом, помимо Стамболийского, активно выступали Цанко Церковский, Стоян Омарчевский и другие «земледельческие» активисты. В 1910 г. в одной из статей в органе БЗНС Ц. Церковский убежденно писал: «Болгария только что вступила на путь экономического развития, и сегодня ее силы должны быть направлены исключительно на закрепление того экономического подъема, который является единственным источником благоденствия народа, политических и гражданских свобод. Нынешнее македонствование наших патентованных патриотов приведет к тому, что вновь уведет внимание общества в другом направлении, и собьет производительные силы страны с правильного пути»⁴⁵. А. Стамболийский всецело разделял такую позицию, подчеркивая, что подлинная независимость страны достигается исключительно благодаря экономическому подъему.

Отношение А. Стамболийского к собственно македонскому вопросу, по-видимому, нигде не было сформулировано достаточно четко. Если следовать американскому исследователю Дж. Беллу, то вначале Стамболийский уповал на младотурок: с введением ими конституционного режима в Османской империи, считал он, наступал конец расовому и религиозному угнетению местного населения со стороны турецких властей. Однако вскоре ему пришлось убедиться в своем просчете. Тем не менее, предполагавшаяся программа освобождения Македонии Стамболийский не принимал, полагая, что она способствует превращению Болгарии в вассала иностранных банков и правительств, которые отпускают займы на милитаризацию страны. И, в конечном счете, стал ориентироваться на федерирование всех балканских народов⁴⁶.

Оставим открытым вопрос о том, выражал ли Стамболийский в своих статьях в «Земледельско знаме» в 1909–1911 гг. только собственное отношение к монарху и монархизму, или также и крестьянской массы, следовавшей за БЗНС, – для ответа на него нет достаточных данных. Но несомненно, что в какой-то мере формировал его. И личная его позиция была выражена вполне определенно! «Абсурдно говорить о единомыслии между коронованными главами и народами, – утверждал он, – только совершенно невежественные массы могут питать какую-то любовь к коронованным главам». Он ссылаясь и на конкретный исторический опыт, который накопился у болгарского населения со времени Освобождения, указывая, что и сами монархи, случайно попадавшие на княжеский престол, сделали все возможное, чтобы укрепить, сцементировать эту ненависть народа⁴⁷. Отторжение у «земледельцев» вызывал не только институт монархии, но и весь «развратный конституционный режим», разлагающийся и выродившийся из-за дворцовых и партийных интриг настолько, что о политических партиях можно говорить, что они «уже отжили свое»⁴⁸.

Эти констатации представляются важными не только для того, чтобы проиллюстрировать, хотя в известной мере и косвенно, отнюдь не благосклонное отношение крестьянского люда к институту монархии в Болгарии – ведь все события в стране, в том числе возможная война, увязывались, прежде всего, с именем Фердинанда. Но особенно они важны для того, чтобы лучше понять, как относилось крестьянство к военному способу решения македонского вопроса, участниками которого будут они сами.

В 1911 г. «земледельцы» развернули сильную антивоенную кампанию в стране в связи с тем, что в начале этого года в парламент было внесено предложение об изменении статьи 17-й Конституции, что позволяло царю самостоятельно, без обращения к законодательному органу, вести внешнюю политику вплоть до заключения союзов с другими государствами и объявления войны. В Народном собрании «земледельцы» выступали как против наделения царя такими прерогативами, так и против курса на милитаризацию страны, а также против превращения офицерства в элитную касту, оторванную от простого народа, с ее высокими зарплатами и имеющую возможность наживаться на поставках оружия из-за границы. Заявления Стамболийского в связи с различными скандалами в Военном министерстве не раз становились поводом для вызова его на дуэль⁴⁹.

Частью населения изменение одной из важнейших статей Конституции было расценено как безусловная подготовка к войне. Дж. Белл называет кампанию против изменения статьи 11-й Конституции «редкой по накалу страстей». И, видимо, так оно и было, потому что даже спустя несколько десятков лет – в 1970-е годы – ветераны «земледельческого» движения Болгарии вспоминали о своем участии в ней, как об одном из наиболее ярких впечатлений жизни. В частности, например, о том, какими бурными были совместные митинги «земледельцев» и «тесняков» в селах Варненского округа; как на собрании «дружбы» в Варне, куда съехались люди из всей околии, выступал Стамболийский; а в селе Снежина Провадийской околии крестьяне приняли резолюцию с лозунгами: «Долой личный режим! Да здравствует республика!»⁵⁰ Сам

факт возмущения селян усилением власти царя и превращением его в бесконтрольного вершителя внешнеполитической судьбы Болгарии свидетельствует, на мой взгляд, хотя и косвенно, об их недовольстве набиравшим силу милитаризмом.

Выиграть кампанию «земледельцам» все же не удалось: на выборах в XV Обыкновенное народное собрание, проходивших в начале сентября 1911 г., за БЗНС проголосовало на 30% избирателей меньше, чем на предыдущих выборах. «Призывы к народовластию, – замечает по этому поводу Дж. Белл, – редко превосходят националистические призывы, по крайней мере, до тех пор, пока не становятся целиком ясными последствия»⁵¹.

Стоит отметить еще один аспект антивоенной темы. В разгар предвоенной пропагандистской кампании А. Стамболийский, осуждая «ощетинившуюся от кастового снобизма военную олигархию», войну с Турцией называл настоящей авантюрой. В отличие от иных противников военных действий, руководствовавшихся геостратегическими или тактическими соображениями, на первый план Стамболийский ставил судьбу крестьянства – главную тягловую силу войны. «Войны с Турцией мы хотеть не можем, – заявлял он, – потому что знаем, какие ужасные последствия несет она крестьянскому народу, который заполняет казармы и который будет жертвовать самыми жизнеспособными своими чадами на поле брани». А позже относительно 2-й Балканской войны «земледельческий» лидер говорил, что народ был просто обманут и отдан на заклятие «за интересы, чуждые ему, но близкие безумной воле царя»⁵².

Случайно ли Стамболийский выстроил такую формулу: интересы военной борьбы за объединение болгарского народа чужды простому люду? Считал ли он их чуждыми только из-за военного способа попытки их решения? Или «нутром» чувствовал, что необразованное, зачастую просто неграмотное селячество меньше и позже других слоев общества пропитывается национальными чувствами, что оно в течение еще долгого времени не вполне ощущает свою этническую выделенность из общей массы большого конгломерата балканцев, которым ничто не мешало хорошо понимать друг друга, объясняться на всех вроде бы разных и не обязательно родственных языках, включая греческий и турецкий.

Конечно, никто не может отнять у народа права на войну, которую он понимает, как справедливую, войну за объединение «племени» и территорию его проживания. Дело заключается, главным образом, в готовности или неготовности большей части населения воспринять эту войну, как свою, народную, в истинном смысле этого слова, и на этой основе объединиться вокруг центральной идеи. Ибо доверие или недоверие народа к своим руководителям многого стоит. Ну и, разумеется, необходим правильный выбор руководителями места и времени начала боевых действий, продуманность стратегии и тактики. Представляется, что значительная часть этих условий не имела удовлетворительного качества в Болгарии накануне Балканских войн. О состоянии армейского командования мы уже говорили. Боюсь, то же следует сказать о *дипломатической подготовке* участия Болгарии в войне, но на этом сюжете мы сейчас останавливаться не будем.

О состоянии *политической сферы* скажем подробнее. Политическое единение, необходимое для страны, вступающей в войну, по существу отсутствовало. Помимо «земледельцев», протестовала против войны партия «тесняков», отрицавшая «гегемонистскую» политику балканских династий; «тесняки» требовали сохранения мира, так как видели решение балканских проблем в создании Балканской федеративной республики. Колеблущуюся позицию – ни «за», ни «против» – заняла СДП: ее фракция в парламенте не голосовала за военные кредиты, но и не высказывалась против них. Радикальная партия (большинство ее) также проявила колебания и неустойчивость. Среди *противников войны* были русофильски настроенные политики, прислушивавшиеся к энергичным, антивоенным советам России. Они имели немалое влияние на массы. К их числу относился, например, деятель «старой» либеральной партии П. Каравелов.

Совсем иначе были настроены военные круги, Союзы офицеров и унтер-офицеров запаса, многочисленные землячества «македонских болгар» (многие их представители занимали места во властных структурах различного уровня), часть гражданской болгарской политической элиты. Иными словами, ситуация, когда в обществе еще только обсуждался вопрос – воевать или следовать путем мира, требовала от заинтересованных сторон лоббирования своих интересов. В этом отношении жесткую линию проводили деятели Народно-либеральной партии (стамболовисты), шедшие в первых рядах активистов антитурецкой кампании. Они с безумной смелостью заявляли, что Болгария может воевать и одна, без всяких союзников в лице Сербии и Греции, их больше устраивали связи с австро-германским блоком. В целом политический класс Болгарии в 1911 – первой половине 1912 г. полной готовности к единению не проявлял. И как его достичь, когда война стояла у порога?

И тогда на позиции выступила ВМОРО – тревожная международная обстановка в Европе после событий 1908 г. заставляла воинствующих революционеров торопиться. Обновив в 1911 г. состав своего Центрального комитета, они решили не отступать, а для достижения прежней цели использовать мать-Болгарию. Ход начавшейся летом 1911 г. Итало-турецкой войны, свидетельствовавший об ослаблении Османской империи, как бы подсказывал ВМОРО план действий – поскольку собственных сил мало, мобилизовать все имеющиеся в Болгарии промакедонские факторы, чтобы *склонить правительство и царя Фердинанда не упустить момент и военным путем решить македонский вопрос.*

Летом 1912 г. «македонствующие» и армейские круги, а также «либеральные» партии, слывшие патриотическими, повели активную милитаристскую кампанию, возглашая, что война является единственным средством решения македонского вопроса. Печать остальных буржуазных партий также значительно активизировалась, газеты перешли на ежедневный выпуск. Они становились своеобразным выразителем общественного мнения⁵³, «примеряя» к себе имидж «четвертой власти». Обработка населения проводилась также с помощью митингов, собраний.

В вязкой для поборников войны атмосфере необходимо было реальное кровавое действие, способное вызвать бурное негодование царя Фердинанда и общественности. И оно произошло. Его сознательно придумали и произвели руководители ЦК ВМОРО, устроив в Турции на переломе июня/июля 1912 г. в городке Кочани террористический акт против турецких властей – взрыв двух бомб в разных частях поселения. Это немедленно вызвало ответные действия: турецкие власти закрыли выход из городка, войска набросились на болгарские кварталы; началась кровавая резня местного населения, в ходе которой было убито около 40 человек, многие ранены⁵⁴. Террористическая акция оказалась приурочена к только что закончившемуся турецкому судебному процессу по поводу подобного же теракта в г. Штипе, совершенному в ноябре 1911 г. Провокация получила, таким образом, двойной резонанс. Руководителями обеих акций, как выяснилось позже, явились Тодор Александров (уроженец Штипа) и Александр Протогеров (родился в Охриде). Болгарское население, естественно, не было извещено о конкретных устроителях теракта и в резне, устроенной турками, обвиняло исключительно турецкие власти.

Как имевшая цель «ускорить» движение Болгарии к войне, провокация – приходится это констатировать – безусловно, удалась: она возбудила страшную народную ярость в отношении турок. Эмоции перехлестывали через край.

Действительно, после событий в Кочани «общественное мнение» зашевелилось. Уже со 2 августа газеты запестрели воинственными заголовками: кампанию открыли независимые, т. е. непартийные, вестники «Утро» и «Дневник». Характерным для них стало навязывание стране воинственного настроения якобы от имени народа: «Народ приказывает: война!», – заявляло «Утро»; «Война? Народ хочет войны», – уверял «Днев-

ник». Кампания не была стихийной. Как сообщал участник событий, в начале августа в городском казино в центре Софии состоялась встреча директоров и редакторов частных ежедневных газет и печатных партийных органов, на которой в течение двух с лишним часов обсуждался вопрос, какую позицию должна занять пресса в складывающейся ситуации. Решение было принято: «патриотическое». Кто созвал и организовал это собрание, участник его не посчитал нужным обнаружить. И кампания пошла по нарастающей.

В 1912 г. выбор между войной (фактически за новые территории, ибо вопрос об автономии Македонии в ходе союзных переговоров с Сербией приобрел эфемерный характер) и безопасностью страны государственная власть сделала в пользу первой. Возможно, болгарские власти слишком высоко оценили свою способность к войне, которая всегда – риск. Быть может, сказалось обстоятельство, что Болгария, действительно, оказалась пристегнута к стратегическим планам революционных структур, то есть ВМОРО, и одновременно заложником их действий и ответчиком за последствия⁵⁵. А у ВМОРО, как известно, была склонность назначать срок восстания, не завершив в достаточной степени его подготовки.

* * *

Первая Балканская война отмечена рядом побед болгарского оружия, в ходе ее войны показали немало примеров героизма и самоотрицания, и Болгария вправе гордиться их подвигом. Болгарские войска одержали ряд важных побед, их успехи были настолько убедительными, что вызывали удивление даже у западных наблюдателей. Но добытое народной кровью преимущество было бездарно проиграно в последующие месяцы, потраченные союзниками на внутренние распри из-за того, как поделить освобожденные от турок территории. Логика воинственного азарта имеет свои законы. Не видя возможности получить желаемое, Болгария начала 2-ю Балканскую войну. Она закончилась ее страшным поражением и стала роковой с точки зрения последующей судьбы этой страны.

Десятки современников событий и специалистов-историков более позднего времени «до дна» проанализировали неутешительные итоги политической и дипломатической подготовки войны, ее организации, хода и поражения. Пожалуй, наиболее выразительными являются горькие слова Г. Маркова: «Непростим проигрыш войны еще до ее начала»⁵⁶. Нельзя не признать, что одним из главных факторов фатального итога войн 1912–1913 гг. стал непрофессионализм власти.

В социокультурном плане болгарская политико-государственная страта далеко еще не созрела, чтобы ставить перед обществом разумные и просчитанные выполнимые задачи и, главное, чтобы уметь во время остановиться. Чтобы понять, что *мечта* народа об объединении – это еще *не реальная необходимость в данный момент*. Что всему свое время. И если говорить о взаимоотношениях между властью и обществом, то в 1912 г. острое возбуждение общественного мнения было использовано властью фактически против *долговременных интересов Болгарии*. Георгий Марков признает, что «судьбоносное лето действительно фатального 1913 г. стало *поворотным пунктом* (выделено мною. – Р. Г.) в новой истории болгарского народа»⁵⁷. Это верно. Но, по моему мнению, дело обстояло серьезнее, и скорее следует говорить о точке невозврата в деле реализации болгарского национального идеала.

Это обстоятельство (именно как точка невозврата) не было глубоко осознано болгарскими политиками, дипломатами, военными в 1913 г. Прав, очевидно, И. Илчев, считающий, что боль поражения была очень острой и деформировала анализ, что на первый план выступили эмоции – чувства обиды и оскорбленной справедливости, а потому, пишет он, действия политиков иногда исходили из «параллельной реальности», т. е. не из самой действительности, а из представления о ней⁵⁸. В самом деле, только

в шоке от произошедшего погрома можно было спустя два года «полезть на новую Голгофу» – вступить в Первую мировую войну.

Действия политиков, базировавшиеся, главным образом, на такой иррациональной основе, как чувство обманутой справедливости, то есть исходившие из субъективного представления о действительности, немало способствовали тому, что в 1918 г. последовал новый катастрофический военный провал Болгарии – на этот раз в мировой войне. Преследуя, казалось бы, только узкоспециальные собственные цели (отдайте нам наше!), болгарские стратеги не умели понять всей опасности вступления малой «державицы» в многостороннюю европейскую войну, «капиталета» для которой, в первую очередь социокультурного, они не накопили. В известной мере искусственно взращенные патриотизм и энтузиазм в рядах армии и частично населения Болгарии могли быть лишь «оркестровым» сопровождением, но не боевым оружием на поле брани начала XX века – века, уже ставшего на путь агрессивного империализма и явившего миру совершенно новую войну и по масштабу действий, и по технологическому оснащению воюющих; а, кроме того, – по морально-боевым качествам как высшего военно-политического руководства стран-участниц, так и рядового состава военнослужащих. Не Болгарии с ее далеко еще не изжитой архаикой в политико-экономической и особенно в социокультурной области было с ними тягаться.

Дальнейшее известно: в 1918 г. Фердинанд вынужден был отречься от престола и вернуться в родной Кобург. Болгария на Парижской мирной конференции 1919–1920 гг. была признана агрессором и получила очень тяжелые условия мирного договора. Для ее населения начался период весьма сложной адаптации к новым условиям государственно-политической и общественной жизни.

Что касается взбалмошной болгарской политической «элиты», которая, обаявшись идеей «Великой Болгарии», не рассчитала сил и потерпела поражение масштаба «национальной катастрофы», то и после двукратного проигрыша она не успокоилась, а передала будущему поколению политиков «битую карту» Сан-Стефанской Болгарии: ревизия мирных договоров 1913 и 1919 гг., а затем и реванш стали главным содержанием не только внешней политики Болгарии в межвоенный период, но практически и всей внутренней жизни страны. Ее модернизационные возможности из-за военных поражений, территориальных потерь, необходимости платить высокие репарации оказались серьезно подорванными.

Можно долго рассуждать о том, могла ли Болгария избежать войны, оказавшейся катастрофической. Об этом размышляли люди начала XX века – современники событий. Противники войны, особенно «земледельцы», говорили о том огромном уроне, который неизбежно нанесет война хозяйству страны, и о необходимости заботиться в первую очередь о развитии экономики, о сбережении человека труда. Болгарская историография из-за общественной и политической живучести мифа о Сан-Стефано, как бы требовавшего соблюдать корректность при изучении такого объекта, как Балканские войны, подобный вопрос долгое время не поднимала. Лишь к концу 1960-х гг., считает Р. Даскалов, публикацией статьи А. Велева «Политические партии в Болгарии и Балканские войны»⁵⁹, было положено *начало переосмыслению* социоистории Балканских войн.

Ныне можно назвать еще нескольких болгарских авторов, критически анализирующих ситуацию 1912–1913 гг. Тот же Р. Даскалов ставит вопрос: возможно ли было сначала заняться развитием и обогащением страны «и только потом направить усилия на объединение?»⁶⁰ Сам автор уходит от ответа, но упоминает мнение коллеги С. Грынчарова, который пишет: это было бы действительно мудрое решение, но с задней датой и без учета тогдашних реалий. П. Анчев развивает мысль дальше, хотя и в несколько ином направлении. Он считает, что применительно к концу XIX – началу XX вв., когда на международной арене шла подготовка к «приданию новых очертаний на карте Европы», Болгарии предстояло сделать решительный выбор. «Какой? Болгария, – размышляет он, – уже должна была осо-

знать свои не территориальные и националистические интересы, а экономические и рыночные выгоды. Ей нужен был покровитель, который инвестировал бы капиталы в промышленность, открыл свои рынки и гарантировал стабильность болгарской валюты. Болгарии нужно было приобщиться к европейскому капиталу [...] В начале XX века Болгария как страна с бурно развивавшейся экономикой начала испытывать потребность в «жизненном пространстве»⁶¹. То есть, по Анчеву, получается, что война все-таки была нужна, но, главным образом, из экономических соображений, а не ради освобождения братьев в Македонии и Одринской Фракии, призывы к чему являлись, по его мнению, «прикрытием империализирующихся претензий болгарской буржуазии на расширение рынков и приобретение сырьевой базы, в частности, для легкой промышленности, и выхода в Эгейское море».

Во всяком случае, неудачными войнами модернизационный процесс в стране оказался прерванным, благоприятная для его дальнейшего развития конъюнктура начала XX века упущена. Следующий благоприятный момент пришел только через 35 лет – во второй половине 1930-х гг. Но темп уже был сорван. Да и промежуток с середины 1930-х гг. до начала новой мировой войны был совсем мал. Так что Болгарии для полного прохождения цикла буржуазной модернизации просто не хватило исторического времени, и часть его – в погоне за национальным идеалом – была использована малопродуктивно.

¹ *Влахов-Мицов, Ст.* Владетели в примка. Книга за княз Батенберг, цар Фердинанд и цар Борис III. С., 1992, 11–12.

² *Илчев, И.* Митът за Санстефанска България като «свещена» крава» на българския патриотизъм. – История, 1995, № 6, с. 58.

³ *Петков, П.* Съдбата на българския възрожденски идеал (бележки върху развитието на идеите за държавно устройство и политическото управление и реализацията им през XIX и XX в. – В: Двадесетият век. Опит за равнотежа. С., 2003, с. 127.

⁴ *Влахов-Мицов, Ст.* Указ. соч., с. 62.

⁵ См.: *Панкратов, С. А.* Модернизация как исторический феномен. Учебно-методологическое пособие. Волгоград, 1999, с. 10.

⁶ *Янчулев, М.* Септември 1918 – септември 1944. – В: Научен архив на Българската академия на науките. Сб. IV, а.е. 194, ч. 1, с. 71. – Воспоминания секретаря А. Ляпчева.

⁷ *Рыбаченок, И. С.* Коренные интересы России в представлениях ее государственных деятелей, дипломатов и военных в конце XIX – начале XX в. – В: Геополитические факторы во внешней политике России: вторая половина XVI – начала XX в. К 100-летию акад. А. Л. Нарочницкого. М., 2007, с. 303.

⁸ *Витте, С. Ю.* Всеподданнейшая записка. – В: Коренные интересы России глазами ее государственных деятелей, дипломатов, военных и публицистов. Документальная публикация. Составитель И. С. Рыбаченок. М., 2004, с. 79.

⁹ История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. От русско-французского союза до Октябрьской революции. М., 1997, 77–78.

¹⁰ Там же, с. 59.

¹¹ *Рыбаченок, И. С.* Указ. соч., с. 292.

¹² История внешней политики России..., с. 64.

¹³ *Игнатъев, А. В.* Внешняя политика России. 1907–1914 гг. Тенденции. Люди. События. М., 2000, с. 38.

¹⁴ *Кострикова, Е. Г.* Русские политики, публицисты и общественные деятели о геополитических интересах России в начале XX в. – В: Геополитические факторы..., с. 321.

¹⁵ *Гачев, Г.* Космогония Балкан. – В: В поисках «балканского» на Балканах. Тезисы и материалы симпозиума. М., 1999, с. 64.

¹⁶ *Елджеров, Св.* «Голямото разочарование»: България и въстанието. – В: Илинденско-Преображенското въстание: връх в освободителните борби на българите. С., 2005, с. 178.

¹⁷ *Димитров, А.* Илинденско-Преображенското въстание като знак за българската историческа приемственост. – В: Илинденско-Преображенското въстание ..., с. 52.

¹⁸ *Рудометов, В., Ст. Николов.* Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост. – Социологически проблеми, 1999, № 3–4, с. 148.

- ¹⁹ Пантев, А. Едиповият комплекс на модернизацията. – Понеделник, 2007, № 7–8, с. 69.
- ²⁰ Рудометоф, В., Ст. Николов. Указ. соч., с. 149.
- ²¹ Мишкова, Д. Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878–1914. – В: Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. С., 1999, с. 20.
- ²² Баева, И. Аграризмът като идеология на селските движения в България и Полша до Втората световна война. – В: Годишник на Софийския университет. Исторически факултет. Т. 84–85. С., 1992, с. 183.
- ²³ Маркова, М. Динамика на селската култура в Кюстендилско през ХХ век. – В: Известия на исторически музей. Т. 11. Кюстендил, 2004, с. 368.
- ²⁴ Зундхаусен, Х. От предкапитализма към ранен капитализъм: Трансформация на селото и селското стопанство на Балканите от ХІХ в. до Втората световна война. – Български фолклор, 1994, № 3–4, с. 11.
- ²⁵ Янчев, В. Войската и гражданските власти. 1878–1912. – В: Модерна България ..., с. 83.
- ²⁶ Там же, с. 67.
- ²⁷ Мишев, Р. Военно обучение и специализация на български офицери в Русия в началото на ХХ в. – В: Летопис на дружбата. Т. 8. С., 1981, с. 335.
- ²⁸ Даскалов, Р. Българското общество. 1878–1939. Т. 1. С., 2005, 122–123.
- ²⁹ Там же, с. 123.
- ³⁰ Зафиров, Д. Българската армия – монархически и републикански образ. – Исторически преглед, 2002, № 1–2, 195–196.
- ³¹ Даскалов, Р. Указ. соч., 124–125.
- ³² Стоилов, П., М. Йонов, Л. Петров. Българската армия като институция. 1878–1944. – В: България 1300. Институции и държавна традиция. Доклади на ІІІ конгрес на Българското историческо дружество. С., 1981, с. 374, 377.
- ³³ Даскалов, Р. Указ. соч., с. 126.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Марков, Г. България и Балканският съюз срещу Османската империя. 1912–1913. С., 1989, с. 19.
- ³⁶ Мишев, Р. Указ. соч., с. 346.
- ³⁷ Фичев, И. Балканската война. Преживелици, бележки и документи. С., 1940, 72–73.
- ³⁸ Марков, Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 гг. – Военноисторически сборник, 2003, № 1, с. 24.
- ³⁹ Там же, 26–27.
- ⁴⁰ Марков, Г. Българското крушение 1913. С., 1991, с. 62.
- ⁴¹ Марков, Г. България и Балканският съюз ..., с. 17.
- ⁴² Матошич, Й. Кървава България. С., 1991, с. 40.
- ⁴³ Цит. по: Христов, Хр. Александър Стамболийски в новата и най-новата история на България. – В: Александър Стамболийски. Живот, дело, завети. С., 1980, с. 29.
- ⁴⁴ Тодорова, Цв. Политическите партии, властта и държавата в идеологията на Александър Стамболийски. – В: Александър Стамболийски..., с. 118.
- ⁴⁵ Цит. по: Бел, Дж. Д. Александър Стамболийски и БЗНС. 1899–1923 (Перевод с англ.). С., 1993, 100–101.
- ⁴⁶ Там же, с. 101.
- ⁴⁷ Христов, Хр. Указ. соч., 29–30.
- ⁴⁸ Тодорова, Цв. Указ. соч., с. 118.
- ⁴⁹ Бел, Дж. Д. Указ. соч., с. 100.
- ⁵⁰ Гочев, М. Варненска окръжна земеделска дружба. С., 1978, 51–52.
- ⁵¹ Бел, Дж. Указ. соч., с. 102.
- ⁵² Христов, Хр. Указ. соч., 31–32.
- ⁵³ Топенчаров, В. Българската журналистика. 1903–1917. С., 1981, с. 176.
- ⁵⁴ Кьорчев, Д. Време на надежди и катастрофи. 1905–1919 (Дневници и политически студии). Съст. Илия П. Пасков. С., 1994, с. 142.
- ⁵⁵ Димитров, А. Указ. соч., с. 54. Эти слова автора относно са к событиям 1903 г., но так как тогашните обстоятелства были во многом повторены в 1912 г., считая полезным напомнить о них, говоря о кануне Первой Балканской войны.
- ⁵⁶ Марков, Г. Поуки от Балканските войни 1912–1913 гг. ..., с. 25.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Илчев, И. България и Антанта през Първата световна война. С., 1990, 6–7.
- ⁵⁹ Etudes historiques. Т. 4. Sofia, 1968.
- ⁶⁰ Даскалов, Р. Указ. соч., с. 184.
- ⁶¹ Анчев, П. Разумът в българската история. Опит за теория на България. С., 2005, с. 227, 234.